

ФАНТАСТИКА
И ФЭНТЕЗИ

Ольга Лариопова

ВЕНЦЕНОСНЫЙ КРЭГ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Л 25

Оформление обложки Егора Саламашенко

Ларионова О.

Л 25 Венценосный крэг : повести, романы / Ольга Ларионова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 1248 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26527-1

Ленинградская школа фантастики дала жанру многие славные имена. Георгий Мартынов, Илья Варшавский, Вадим Шефнер, Александр Шалимов... Но одно из них действительно стоит наособицу, и не потому, что обладательница его — женщина. Ольга Ларионова в середине шестидесятых засветилась вдруг на фантастическом небосводе настолько ярко, что мгновенно обрела огромный круг почитателей. «Леопард с вершины Килиманджаро», мы говорим о нем — о романе, который, по мнению сетевых экспертов, «не просто считается одной из лучших книг Ларионовой, — пожалуй, его смело можно занести в сокровищницу мировой фантастики. Будь писательница американкой, премии „Хьюго“ или „Небьюла“ (а может быть, даже обе) ей бы наверняка достались». Издавали ее нечасто, но почти каждое из выходивших в те скупые на фантастику времена (шестидесятые — восьмидесятые годы) произведений писательницы было прямым попаданием в цель — то есть в сердца читателей.

Цикл «Венценосный крэг», начатый повестью «Чакра Кентавра», писался долго, около двадцати лет. Повесть, задуманная как шутка, вылилась в полноценную «космооперу» — своего рода наш достойный ответ «звездному королю» Гамильтону. Путешествия во Вселенной в повестях и романах цикла сочетаются с романтической сказкой, где есть и рыцарские турниры, и роботы, и фантастические летучие существа — крэги, глазами которых люди видят окружающий мир. Но главное, историям, рассказанным в книгах цикла, присуща та особая человечность, выделяющая творчество Ларионовой среди большинства коллег.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

© О. Н. Ларионова (наследник), 1988, 1996, 1998, 2005
© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26527-1

ЧАКРА КЕНТАВРА

ЭСКИЗ КОМПОЗИЦИИ № 413

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ТРЕТИЙ В ИГРЕ – РОК

Голос возник в анфиладе вечерних покоев. Он еще не звучал, незванный и неминуемый, а сторожевые व्यюнки, свисавшие со стрельчатых прохладных арок филигранных комнаток, следующих друг за другом, как составленные в ряд шкатулки, уже уловили присутствие постороннего и пугливо свернули свои паутинные стебельки в упругие спиральки. Нездешние цветы и травы, чеканные накладки стен и потолков... Здесь все оставалось так же, как было при жизни Тариты-Мур — властной и одинокой хозяйки этих покоев, любившей проводить предзакатные часы нелегких раздумий в уединенной тиши своего зимнего сада.

Теперь он, эрл Асмур, ее сын, владетельный ленник короля всегда зеленого и когда-то счастливого Джаспера, был полновластным и единоличным хозяином всего необозримого в своей протяженности замка, и только сервы, позвякивая членистыми манипуляторами, исчезали при его приближении; но, кроме всей этой безликой полупресмыкающейся армии, ни единой тени не возникало в древних прадедовских стенах.

Впрочем, в былые времена здесь появлялась скользкая светлая тень, но он гнал от себя это воспоминание, ибо в настоящем этому уже не было места...

Внезапно воздух в комнате уплотнился и затрепетал — верный признак того, что здесь возникло неосязаемое.

— Мой слух принадлежит тебе, вошедший без зова! — проговорил Асмур нарочито сдержанно, пряча природное высокомерие, — кем бы ни оказался его невидимый собеседник, он заведомо ниже по роду и титулу; но раз уж этого разговора не избежать, то надо хотя бы постараться побыстрее его закончить, а сдержанность — сестра краткости.

— Эрл Асмур... — Высокий юношеский голос зазвучал и сорвался. Голос, чересчур звонкий для комнаты-шкатулки. — Высокородный эрл, как велит нам закон предков, мы собрались у наших летучих кораблей; нас девять, и у каждого из нас на перчатке тот, кто ждет выполнения Уговора.

Юноша говорил учтиво, и главное — сегодня он имел право говорить без вызова. Потому что десятым кораблем должен стать именно корабль Асмур. Ему — вести армаду, им — подчиняться. Тот, кто говорил сейчас с ним, был самым юным, хотя на все время похода эти девять становились равными друг другу. Но право докладывать командору о готовности отряда по многовековой традиции предоставлялось младшему.

Традиции, обычаи, клятвы... Скоро на Джаспере их станет больше, чем самих обитателей. Асмур устало откинулся на спинку узенького материнского кресла, так что черноперый крэг, задремавший было на его плечах, недовольно щелкнул клювом. Лицо владетельного эрла приобрело то внешне безмятежное выражение, которое не соответствовало мучительному состоянию его души, обуреваемой горестными заботами — от мелких житейских неурядиц до скорбных и безнадежных дум о судьбах всего Джаспера.

— Назови себя! — велел он невидимому собеседнику ровным и спокойным тоном, в который против его воли проникла излишняя суровость.

Разумеется, он мог пригласить юношу сюда, это дозволялось ритуалом выполнения Уговора и в последние годы стало даже чем-то вроде правила хорошего тона, но Асмур, последний из равнопрестольного рода Муров, мог позволить себе нарушить скороспелый обычай, чтобы в этот последний вечер на Джаспере еще несколько часов побыть одному.

Завтра они будут вместе, и это надолго.

Но этот вечер он проведет так, как угодно ему.

Недаром мона Сэниа, опуская ресницы, печально говорила ему: «У тебя душа крэга...»

— Благородный эрл, я седьмой сын владетельного Эля, и мое полное имя — Гаррэль.

Странно, в голосе седьмого сына могло бы звучать и поболее гордости, если даже не спесь. Ведь именно младшему, ненаследному, — и честь, и почет. Так повелось с Черных Времен. Тем не менее в его интонациях проскальзывало нечто, напоминавшее приниженность и уязвленность, ставшие привычкой. Отчего бы?

А может, у него...

Асмур резко оборвал течение собственных мыслей. Веяние новых традиций чуть ли не обязывало его предложить Гаррэлю явиться лично в замок Муров, и тогда сразу стало бы ясно, что там неладно у младшего отпрыска многодетного рода Элей. Он этой традиции не последовал, — значит, нечего и гадать. Завтра все само собой прояснится. Завтра.

— Завтра, — проговорил он надменно, как и подобает командору, — мы отправимся в путь в то время, которое укажет нам предназначение. Обратимся же к нему не мешкая, чтобы те, кто хочет что-либо завещать близним своим, могли это сделать заблаговременно.

Голос Асмур был ровен и властен — да, ему самому не придется оставлять завещание, он одинок, как крэг, и вряд ли Гаррэль и те, кто окружает его на пустынной стоянке звездных кораблей, не знают этого. Он — последний в роду, и все-таки каждый из его дружины горд и счастлив тем, что его поведет сам владетельный Асмур.

Он резко поднялся, оттолкнувшись от подлокотников резного кресла, и от этого движения тусклые серебряные когти, привычно замкнувшиеся на его запястьях, стиснулись еще крепче — крэг давно привык к стремительности движений своего хозяина. Наклоняясь под каждой аркой, чтобы свисавшими с потолка вьюнками не потревожить остроклювую голову, лежащую на его белых волосах, точно пепельный капюшон, он прошел всю анфиладу, залитую закатным светом, и остановился перед маленьким домашним алтарем из чернокости, внутри которого хранилась ониксовая фигурка священного крэга. Он возложил на фигурку правую ладонь, и тут же в основании алтаря словно сам собой раскрылся тайник, откуда с мелодичным звоном выдвинулся неприметный до той поры ящичек.

Асмур подвигал кистью руки, ослабляя жесткую хватку когтей, и вынул из ящичка небольшую, но тяжелую колоду карт. Ему показалось, что при этом его крэг начал часто-часто дышать. «Что за чушь! — сказал он себе. — Крэги вообще не дышат, это знает даже ребенок».

Он долго тасовал карты, хотя ему было глубоко безразлично, как пойдет игра. Наконец решил и перевернул колоду нижней картой вверх.

Темно-лиловый контур Ползучего Грифона смотрел на него.

Темно-лиловый. Почти черный.

Он задержал выдох, выравнивая дыхание. А ведь трусом он не был.

— Козыри — ночные, — проговорил он совершенно естественным тоном.

Голос Гаррэля, неслышимо сопровождавший его через все покои сюда, к тайнику, тоже ничем себя не выдал — ни вздоха, ни возгласа. А ведь ночные козыри не только предписывают час вылета — они еще и предсказывают то, что кто-то из них не вернется из этого похода. Кто-то. Если не все.

— Держи! — велел Асмур, швыряя карту в *ничто*, которое он определил на уровне окна.

Он никогда не задумывался над тем, что же представляет собой это самое загадочное *ничто*. Вероятно, абсолютная пустота, гораздо более пустая, чем межзвездный вакуум. Столь же непостижима была переброска реальных предметов через эту самую пустоту. Понимания никакого здесь и не требовалось, этому просто учили в раннем детстве: нужно представить себе прозрачную вертикальную плоскость, за которой начинается это самое бесконечное *ничто*. Оно чуждо реальному миру Джаспера и мгновенно выталкивает обратно любое постороннее тело, но, как когда-то выяснилось, во все не обязательно в ту же самую точку, откуда было оно послано. Достаточно мысленно увидеть — только со всей четкостью, до мельчайших деталей — то место, куда адресуешь свою вещь, и она окажется там в тот же миг.

В далекой юности Асмур пытался найти объяснение этому в старинных книгах, напечатанных еще до Черных Времен — когда существовали институты, университеты, исследовательские лаборатории... Он нашел множество непонятных слов: гиперпространственная трансгрессия, континуум субизмерений, имманентная телекинетика. Смысл их был утерян безвозвратно, и ему пришлось отказаться от своих поисков и продолжать бездумно пользоваться чудесной способностью посылать в любое место — хоть на другую планету! — любую вещь, или человека, или самого себя. Или только голос.

Сегодня это были карты, которые он посылал к Звездной пристани.

Белый глянцевитый прямоугольник, испещренный почти черным крапом, долетел до оконной рамы и исчез, словно растаял, — это значило, что там, у своих кораблей, Гаррэль протянул руку

в *ничто* и принял переданное. Вторую карту Асмур положил перед собой. Он приблизил воображаемую границу, чтобы не терять лишнего времени, и следующую карту швырнул без предупреждения — она пропала, едва отделившись от его руки. Молодец мальчишка: перехватывает по едва уловимому шелесту и не промахивается. А ведь это еще самый младший из его звездной дружины. Асмур сдал всю колоду, и игра началась. Он не следил за тем, какие карты выпадали ему, и теперь, разом раскрыв многолепестковый веер, он почти с изумлением обнаружил у себя на руках чуть ли не всю темно-лиловую козырную масть.

Забавно, в кои-то веки ему повезло, и надо же — именно в этой игре, где не бывает выигравшего. Потому что играют они не вдвоем с Гаррэлем, а втроем, и третий партнер — это судьба. И чем бы ни закончился кон, выигрывает только она.

Созвездия Вселенной — вот какой рисунок несли на себе глянцево-негнущиеся прямоугольники, последняя выигравшая карта должна была означать цель их путешествия.

— Твой ход, — поторопил эрл.

В сгущавшемся полумраке блеснула вылетевшая из *ничто* карта — она опустилась точно на черепаховый столик, едва-едва вышавшийся над полом. Карта была не сильной — Прялка Судьбы, да и масть была оранжевой, дневной, прямо противоположной ночным козырям.

— Колесо Златопрялки? Хм... Бью Собачьей Колесницей.

Так. Оба созвездия вышли из игры, и хорошо: они лежали слишком близко к галактическому ядру, там просто нечего было делать. Кто же выберет себе приют в таком жарком месте?

— Болотный Серв и Кометный Гад! — Он подбросил две голубые вечерние карты, но они не исчезли, а, наоборот, удвоились — Гаррэль скинул, и даже не в масть. Владетельный эрл недоверчиво приподнял бровь: все выходило слишком уж гладко, как по писаному, — из игры изымались либо чересчур опасные, либо совсем убогие, заштатные созвездия, на которые постыдился бы лететь и отщепенец с позорным пестрым крэгом.

Судьба прикидывалась простушкой, и ее надо было испытать.

Теперь за ним было два хода подряд, и он выкинул одну за другой самые грозные, роковые карты с символами чудовищно неуравновешенных звезд и рушащихся созвездий. К его удивлению, Гаррэль наскреб маленьких козырей, и страшные карты тоже вышли из игры.

Судьба строила из себя дурочку. Такое обычно плохо кончалось.

Настал черед юноши, и совершенно неожиданно для противника он выбросил сразу целую семерку карт — знаменитый Материнский Сад. И как это Асмур не сообразил, что у него самого на руках ни одного созвездия, входящего в легендарную плеяду?

И вдруг его охватил высокомерный гнев. Он совершенно забыл об этой семерке, мечте звездоплавателей, но они-то там, у своих кораблей, все видели с самого начала и ликовали, предвкушая блистательный финал игры с таким сокровищем, выпавшим самому юному из них! Да, Материнский Сад практически непобедим, теперь придется скидывать что попало, а семерка останется в игре с самого верха — таковы уж древние правила. Можно было только изумляться тому, что при всей своей неуязвимости Материнский Сад, который, вероятно, уже не один раз собирался в чьих-то счастливых руках — да должен был собираться согласно законам вероятности! — эта беспроигрышная семерка на деле не выиграла ни разу. Ведь если бы это случилось, то по тем же правилам победившая карта должна была навеки исчезнуть из магической колоды, непостижимым образом заменившись другим созвездием.

Семерка превратилась бы в шестерку, затем — в пятерку... Но этого не происходило. Старинные легенды говорили о счастливицах, которые находились на волосок от удачи, и все-таки за полтора десятка веков ни одна карта Материнского Сада не досталась никому в награду, продолжая дразнить своей недоступностью. Чудеса? Не иначе.

Впрочем, стоило ли удивляться странной неприкосновенности волшебной семерки карт, когда в магической игре с судьбой существовало и без того достаточно чудес? Вот, например, исчезновение выигравшей карты — каким образом они пропадают сразу во всех колодах Джаспера? И как, каким чудом обозначение звездной системы, куда кто-то уже направил свой путь, заменяется на символ совсем другого созвездия, снова одинакового во всех колодах? На этот вопрос никто ответить не мог. Так предписывал Древний Закон, родившийся одновременно с Уговором.

Тайны магических колод, однако, волновали только мальчишек вроде Гаррэля. Закаленные мужи, каким был Асмур из рода Муров, не снисходят до копания в происхождении сил, движущих их судьбой. К силе магического закона присовокупить собственную мощь и разум — вот в чем доблесть и честь. А не в сомнении.

Семь карт нежнейшей утренней масти, перламутрово мерца, лежали перед ним. Почему же до сих пор никто из славных командоров не позволил выиграть ни одной из них?

Да потому, что это тихие, благополучные созвездия и ни одно из них не потребует доблести и не принесет славы. Ищущему битвы покой ни к чему.

Командор произвел секундный смотр грозному строю темно-лилового козырного войска и безжалостно изничтожил каждую из пленительных утренних картинок. И то, что после этого осталось у него на руках, было по странной случайности также одним семейством, и он мог предъявить эти ужасающие карты всей пятеркой, что он и сделал незамедлительно:

— Безухая Русалка, Могильный Гриф, Трижды Распятый, Тлеющая Мумия... и Костлявый Кентавр!

Почему карты расположились именно в такой последовательности? Объяснить это он бы не смог.

Ему не нужно было переноситься туда, к застывшим в предстартовой готовности кораблям, — он и так до мельчайших подробностей представлял себе эту девятку юношей, сидящих тесным кружком на остывающем камне Звездной пристани, и последние лучи заходящего солнца золотят брошенные его рукой зловещие карты. И верхний из этих прямоугольников с траурными символами созвездий — карта, именуемая Костлявый Кентавр.

Он, эрл Асмур, не желал и не добивался такой цели. Судьба.

— Гаррэль, седьмой сын Эля! — проговорил Асмур, как того требовал древний ритуал. — Возвести остальным, что согласно предначертанию нам выпала ночь и на ее исходе мы отправляемся в путь... Цель — перед тобою.

Предначертание не оставило им ни дня, ни утра.

— Слушаю, могучий эрл! — прозвучал в ответ юношеский голос. И исчез.

Асмур снова был один в своем древнем исполинском замке.

2. НЕ ВСЕ, ЧТО СВЕТЛОЕ, — СВЕТ, НЕ ВСЕ, ЧТО ТЕМНОЕ, — ТЬМА

Он стоял перед черной чашей, в которой уже едва угадывались контуры крылатого существа. Вечер был на исходе, — собственно, он уже и не в счет. Значит, остается всего одна ночь, да и то не полная. И мона Сэниа, с которой он не успеет проститься. Судьба.

Он опоясался мечом, взвесил на ладони тяжесть полевого десинтора. Стоило ли его брать? На вечернем пути он вряд ли понадобится, но Асмур отнюдь не был уверен, что сумеет (или захочет) вернуться к полуночи в родительский замок. Он накинул бархатный плащ, по рассеянности упустив из виду, что закаленный боевой крэг нежностей не терпел. Когда Асмур застегнул на плече драгоценный аграф, крэг поочередно разжал когти, вытянул крылья из-под мягких складок материи и снова старательно уложил их поверх плаща, прикрыв руки и плечи хозяина и ощутимо замкнув серебряные когти на его запястьях. Пепельные тугие перья были почти неотличимы от темно-серого бархата плаща и камзола, и зоркая легкая голова с серебристым султаном укрывала белые волосы эрла, точно живой капюшон.

Крэг нервно подрагивал, укладывая еще плотнее перо к перу, — предчувствовал ночную дорогу. Разговор Асмурса с Гаррэлем он слышал — но вот угадывал ли он мысли человека?

Почти три десятка лет провели они вместе — Асмур и его крэг, но ответа на этот вопрос мудрый эрл так и не знал. Он спустился на первый, этаж по витой лесенке, выточенной из целого ствола душистого дерева. Семейная легенда гласила, что основание ее прикрывает вход в зачатое подземелье, тянущееся под всем континентом. Проверить это было невозможно: несколько веков назад прапрапрадед Асмурса посадил на этом месте дерево, а когда ствол достиг требуемой толщины, искусные сервы обрубили ветви, выточили резные ступеньки и перилыца, укрепили их чеканными накладками и подпорками.

А потом вокруг лесенки возвели еще одну замковую башню. И не потому ли, что в не истлевших еще корнях цепко хранилась древняя тайна, эту лесенку, ведущую в вечерние покои, так любила его мать?..

Он в последний раз коснулся душистых перилец и шагнул в малую переднюю, дверь из которой вела на конюшенный двор. Пара сервов-чистильщиков, возившихся с его сапогами (из которых правый всегда был почищен добросовестнее, чем левый), приветствовала хозяина неяркой вспышкой голубых нагрудных фонарей: было известно, что эрл Асмур, сам предельно молчаливый, шума и возгласов не любил. Но вот третий серв, совершенно определенно валявший дурака в непопуганном ему месте, попытался незаметно ускользнуть за порог, никоим образом не поприветствовав хозяина. Скверно, десинтор остался в гадальной, придется за ним возвращаться, а это дурная примета.

Мысль эта была бесстрастна и не окрашена ни гневом, ни даже раздражением. Он легко избежал обратно, нашел оружие и, отпихнув услужливых близнецов, бросившихся к нему с сапогами, тяжелым ударом ноги распахнул дверь. Третий серв улепетывал, перекачиваясь на кривых ножках, и, если бы не косой свет первой луны, которая уже успела взойти, Асмур наверняка упустил бы беглеца. Но длинная тень мела двор, выдавая бегущего, и шипящий всхлип десинторного разряда отразился от зубчатых щербатых стен.

Серв вспыхнул, как пустая канистра, и размазался маслянистым пятном по известковым плитам. Крэг брезгливо поежился, и Асмур передалось это движение.

— Все правильно, дружище, — негромко проговорил он, — когда надолго оставляешь дом, в нем все должно быть в порядке.

Теперь — дорога. Разумеется, он мог бы перенестись к цели своего вечернего путешествия так же естественно и мгновенно, как на исходе ночи они вдсятером отправятся к зловещим звездам Костлявого Кентавра. Но он желал проститься с Джаспером, прекрасным и пустеющим Джаспером, который он не променял бы и на все семь сказочных созвездий Материнского Сада, и прощание его состояло в том, чтобы омыть лицо серебристым лунным воздухом и наполнить каждую клеточку тела памятью запахов и отзвуков, переливов света и тяжести. И когда кто-то из тех, кто последует за ним, утратит хотя бы крупицу собственной памяти, долг его, командора Асмур, — поделиться с ним, ибо клад воспоминаний — единственное из сокровищ, которое нельзя уменьшить, отдавая часть его ближнему.

Он подтянул отвороты походных сапог, сдернул с единорожьей головы, прибитой над входом, плетенную из змеиных жил нагайку и послал в сгущающуюся темноту гортанный, никаким сочетанием букв не передаваемый звук — родовой клич Муров. И тотчас в ответ раздалось высокое, нетерпеливое ржание, — видно, конь застоялся и, угадывая дальние сборы своего хозяина, страшился, что его с собой не возьмут.

— Ко мне! — крикнул Асмур, чтобы доставить ему удовольствие услышать хозяйский приказ, а конь уже вылетал из конюшни, расправляя крылья и играя блеском вороной чешуи.

Бесконечно длинным, грациозным прыжком преодолел он расстояние от конюшенной башни до порога замка и опустился перед своим господином, подогнув передние ноги и одновременно складывая боевую чешую, которая не позволила бы никому постороннему не то что оседлать его, а даже приблизиться к нему. Краем

глаза Асмур отметил, что при этом движении конь таки ухитрился задеть отточенными как бритва защитными чешуйками левое крыло крэга. Показалось или они действительно не ладили? Во всяком случае, если и показалось, то не в первый раз.

Крэг флегматично поднял крыло, расчесал когтем султан над теменным глазом и так же спокойно, игнорируя агрессивный выпад со стороны коня, скользнул атласным оперением по рукаву камзола и снова замер в своей обычной зоркой неподвижности.

— Ты мне побалуй — оставлю в самом тесном закуте, — пообещал Асмур, и конь испуганно захлопал глазными заслонками. Окрик был риторическим — ему в любом случае пришлось бы взять коня с собой, а последний просто не смел, не мог, да что там говорить — генетически был не способен не повиноваться хозяину, так как вел свою родословную от рыцарских коней основателя рода Муров. Вероятно, надо было попросту приказать ему вспылать к крэгу безмерным дружелюбием.

Но почему-то Асмур, не в первый раз озадаченный взаимоотношениями между конем и крэгом, такого приказа не отдал. Нахмурившись, он наклонился и стянул узлами пряжи стремянной шерсти, выбивающейся из-под крупных пластин чешуи. Вдел сапог в волосяную петлю, одним толчком очутился в седельном гнезде. Все это мерно и неторопливо, как и подобает владельческому эрлу. Не говоря уже о том, что, может статься, сажился на коня этот эрл в последний раз.

Ведь козыри — ночные...

Конь, игриво изгибая шею, расправлял крылья, подставляя их голубому лунному свету. Делал это он, несомненно, в пику крэгу, который по сравнению с конем казался куцым птенцом.

— Но-но, — примирительно сказал Асмур, похлопывая коня жесткой перчаткой и одновременно проводя подбородком по тугим перьям, укравшим наплечники камзола. — Поедем шагом.

Это относилось к обоим, но Асмур поймал себя на том, что он вроде бы извиняется перед крэгом за недружелюбие коня. Да, неплохо было бы перед походом до конца выяснить их взаимоотношения, да жаль — эта мысль несколько запоздала. Оба они ему преданы, но, видят древние боги, до чего же по-разному!

Конь предан, потому что он конь, это у него в крови.

Крэг предан, потому что он верен Уговору — то есть самому себе.

Или всем крэгам?

Он тронул коня коленями, тот гордо пересек двор, миновал величественный донжон, и копыта его мерно зацокали по ночной дороге, брызжа тусклыми искрами. Замок с игольчатыми шпилями, кружевными виадуками дамских мостков, по которым некому уже было гулять, с шатрами конюшен и опалово-лунными бассейнами сиренников, с глухими коробками заброшенных казарм и призрачными решетками чутких до одушевленности радаров медленно отступал назад, в темноту, в прошлое и, возможно, в небытие.

Ведь козыри — ночные!

Солнце, послав в вышину традиционный зеленый луч, уступило турмалиновую чашу небосвода веренице лун, и они окрашивали узкие поля кормового бесцветника, окаймляющие дорогу, в печальные опаловые полутона. За лугами следовали однообразные коробчатые корпуса нефтеперегонного комбината — фамильный лен Муров, еще в глубокой древности, до Уговора, пожалованный королем Джаспера старейшему из их рода. С тех пор из поколения в поколение все Муры становились химиками по наследственному образованию, оставаясь в душе и по призванию воинами, и очередной король подтверждал ленное право Муров, хотя с каждым веком это славное семейство становилось все малочисленнее.

Когда умер отец Асмур, у его вдовы остался один малолетний сын, и никто не предложил ей ни руки, ни поддержки. Восемнадцать лет правила Тарита-Мур замком, заводами и сервами, все это время безвыездно находясь вдвоем с сыном в громадных, чуть ли не самых обширных на Джаспере ленных землях. Едва сын достиг совершеннолетия, прослушав весь универсум, положенный будущим химикам, и сразившись на турнире в честь одиннадцатилетия ненаследной принцессы Сэниа, как она с облегчением передала ему все управление, теща себя мечтой о возрождении семейного счастья... Но надежда на женитьбу сына и появление внуков, которым хотела посвятить себя владетельная Тарита-Мур, не оправдалась. Что произошло там, на турнире, когда ее сын одного за другим сразил мечом, десинтором и голыми руками трех невиданных по мощи боевых сервов? Упоенная доблестью сына, она смотрела на него, и только на него...

А смотреть-то нужно было на принцессу.

Она допросила всех сервов, сопровождавших их на турнир, допросила с пристрастием, посекундно воспроизведя зрительную и эмоциональную память каждого из них. Нет, ничего не произошло

между ее сыном и своенравной принцессой, да и что могло произойти в тот день, когда девочке минуло одиннадцать лет?

Но с тех пор он не поднял глаз ни на одну красавицу Джаспера, и, когда мона Сэния достигла совершеннолетия, Тарита-Мур нисколько не удивилась, что ее сын тайно попросил у короля руки его дочери.

И еще меньше удивилась она, когда Асмур получил отказ.

Слишком обширны были ленные владения Муров; случись что с Асмуром — управление всеми заводами легло бы на принцев, которые и без того, как подобало королевской семье, осуществляли координацию экономики всего Джаспера; да и самой моне Сэния пришлось бы взяться за ум и за химию, а о ней поговаривали, что ее своенравию ничего не было мило, кроме столь несвойственных нежному телу военных утех да бессмысленных многодневных скачек от владения к владению, где на тысячи миль не встретишь человека, а лишь поля, да чистые родники, да реденькие заводы, да суetyающиеся сервы, собирающие на осенних безветренных склонах небогатый урожай. Станный нрав был у принцессы, ничего не скажешь, и слава древним богам, что была она младшей, а не наследной.

Знала ли юная царственная причудница о сватовстве Асмур? Тарита-Мур была слишком горда, чтобы спрашивать о подробностях, когда отказано в главном. Было, конечно, одно место, где знали всё и обо всех, и она, как любой житель Джаспера, должна была время от времени там появляться, и этим местом был королевский дворец.

Действительно, несколько раз в году вся родовая знать собиралась здесь, в городе-дворце, — несколько десятков тысяч людей, и это было все совершеннолетнее население Джаспера, ибо, кроме знати, никто и не выжил тогда, в страшную эпоху Черных Времен. Теперь они собирались, чтобы вершить судьбы своей планеты, и вершили, кто как мог, — одни, избранные, в Большом Диване, подле координационного экономического совета, состоящего из короля и принцев; другие поблизости, в бесчисленных галереях, раздумных бассейнах и потаенных кабинетах для различных консультативных комиссий. То, о чем говорилось в этом сердце джасперрианской политики, как правило, оставалось для непосвященных тайной.

Далее, за кабинетами мудрецов, фосфорическими огнями теплились залы эстетов, где мерцала музыка, творились древние молитвенные ритуалы или еретические камлания — по моде и по

заказу; там не решали судеб, там скептически комментировали решения.

Еще далее искрилось бальное веселье, где не интересовались политикой и не изощрялись в скептицизме, а попросту пренебрегали и тем и другим; это был живой пояс, обрамлявший старческое ядро, — здесь просто упивались жизнью... Как у кого получалось.

А за шумными чертогами начинались королевские сады, где стыдливая зелень тянулась ввысь, заслоня тех, кто искал уединения, и нередко можно было увидеть двух крэгов, грудь к груди взмывающих в вечернее небо, крыло к крылу, клюв к клюву, — много ли надо крэгам, которые сами не ищут себе пару, а довольствуются выбором своих хозяев!

Но не только любовь заполняла вечерние королевские сады — те, кому она была недоступна или не нужна, наполняли лабиринты аллей и гнезда беседок свежайшими сплетнями. Естественно, венчали все сплетни о королевском доме, но, судя по их монотонности, принцесса Сэниа ни в чем не изменила своих привычек, независимо от того, знала она или не знала о сватовстве Асмуре.

Так собирались они не чаще шести раз в год — владетельная элита Джаспера, все ее человеческое население, тающее год от года. Шелестели бархатные наряды, над головками модниц изящно приподнимали свои клювы крэги, усыпанные флюоресцирующей пудрой; и, расходясь к полуночи, гости гадали, о чем же шла речь сегодня в святая святых — Большом Диване. И никто, даже высокочудрая Тарита, не мог бы предположить, что и там занимались самым обычным делом — сплетничали о принцессе Сэниа.

Впрочем, ни у кого ни в Диване, ни в аллеях вечерних садов не было повода толковать о чем-либо, кроме ее неумеренных скачек и отнюдь не женских упражнений с рапирой.

Это Асмуре устраивало. Он был спокоен: никто сейчас не станет судачить о том, что он отправился в путь, так и не простившись с моной Сэниа.

3. БЕРЕГИСЬ, АЛХИМИК!

Четвертая луна поднялась над горизонтом, когда плантации бесцветника, раскинувшиеся влево и вправо насколько видел глаз, вдруг оборвались, уступая место естественному лугу. Шелестящие купы деревьев заставляли коня настороженно вздергивать голову и косить мерцающим глазом на хозяина. Но тот молчал, бросив

поводья и скрестив прикрытые перьями руки. Дремал и крэг, или так только казалось коню — ведь крэги никогда не спят. Близкая зарница сполоснула небо химерическим бликом, и тогда над дорогой нависло полукружье кладбищенской арки.

Конь задержал шаг, ударил копытом в серебряный порог — раздался удар гонга, отозвавшийся эхом многозвучного перезвона там, за аркой.

— Тебе что, впервой?.. — сурово проговорил Асмур, ножнами меча проводя по конской чешуе. — Трогай, уже полночь...

Конь всхрапнул, подбадривая самого себя, и вступил под свод стрельчатой арки.

Узкая аллея, прямая, как лунный луч, пролежала между двумя рядами безыскусных стел и пирамид. Это были древние захоронения, и люди, покоящиеся тут, далеко не все носили славное имя Муров. Вот силуэты памятников потянулись вверх, их венчали шары, короны, звезды; раскидистые, как деревья, они указывали на захоронение целого рода — пышное, горделивое...

И вдруг все оборвалось.

Несколько десятков убогих могил — на них не стояло даже имени, потому что случалось — в одну яму сваливали несколько безвестных тел. Страшная пора Черных Времен, когда тысячи трупов тлели непогребенными, а те, кто удостоился общей могилы, не нашли никого, кто мог бы выцарапать на простой доске несколько корявых знаков... Да и не на каждом холмике лежал камень. Иногда это были просто безымянные насыпи, но они чтились в семье, потому что, согласно преданиям, здесь уже тогда хоронили одних только Муров. Остальные, не принадлежавшие к элите планеты, были обречены лежать где-то в полях, где кости их быстро истлевали, или на заводских дворах, откуда бездумные сервы-могильщики стаскивали их, как обыкновенную падаль, в печи для мусора.

Асмур горько вздохнул, хотя вряд ли смог бы точно определить причину этой горечи: нелюдимый и одинокий, он не мог всерьез сожалеть о тех временах, когда на Джаспере — тогда еще веселом Джаспере — людей было так много, что они, даже не собираясь вместе по специальному королевскому приказу, могли видеть друг друга и говорить друг с другом.

Крэг издал тоже что-то подобное вздоху, и Асмур понял охватившее его чувство (если крэги вообще способны чувствовать): убогие земляные холмы уступили место башенным надгробьям. Может быть, глядя на эти причудливые островерхие теремки, пепель-

ный крэг впервые реально представил себе, как и он когда-нибудь влетит в такой вот одинокий домик-усыпальницу, чтобы ждать выполнения Уговора? Асмур многое дал бы сейчас за то, чтобы посмотреть в глаза своему крэгу и прочитывать там ответ — боится тот смертного часа своего хозяина или ждет его?

Но своему крэгу в глаза не взглянешь, а зеркала эти загадочные существа не терпят.

Дорожка стала шире, и все полуночные луны поочередно заглядывали в сквозные окна пустых надгробных теремов. Наконец конь переступил через белую пену мелколилейника, выплеснувшегося на плиты дороги, фыркнул и, не ожидая приказа, остановился. Это было последнее надгробье справа от кладбищенской дороги Муров, и недавно возведенная стрельчатая часовенка над ним не была пуста, как остальные.

Эрл Асмур, словно очнувшись, достал из седельной сумы кожаную рукавицу и натянул ее на левую руку, осторожно сдвинув цепкие когти собственного крэга немножко повыше. Не сходя с седла, склонил голову и почтительно произнес:

— Друг и поводырь моей матери, крэг Тариты-Мур! Я, ее сын, пришел, чтобы выполнить Уговор!

И тотчас же зашелестел водопад ломких перьев, и палево-белый от старости крэг выскользнул из надгробной часовенки, сделал полный круг над пустынным кладбищем, словно прощаясь с этими местами, и опустился на левую руку эрла, обтянутую перчаткой.

Асмур знал, что там, возле летучих кораблей, на Звездной пристани, девять осиротевших крэгов сидят на руках у юношей, объединившихся, чтобы выполнить Уговор, много сотен лет назад заключенный между людьми и крэгами.

Девять крылатых существ терпеливо ждут своего часа; крэг Тариты-Мур — десятый и последний. Они служили своим хозяевам всю жизнь, подчас долгую и нелегкую; и все они до единого были верны той немислимой верностью крэгов, которая сама по себе — загадка; и вот настало время сыновьям расплатиться за отцов и матерей. И плату крэги признают только одну: полное, немислимое одиночество.

Один на целой планете. Эту планету надо было найти — и подарить.

Заботливо проверив, удобно ли седому крэгу на жесткой перчатке, Асмур дернул повод и повернул коня, объезжая материнское надгробье, — и вдруг до его слуха донесся топот. Кто-то мчался во

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЛАРИОНОВА

ВЕНЦЕНОСНЫЙ КРЭГ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова,
Ульяна Смирнова, Валентина Гончар, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.01.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆ Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 76,44. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-35515-01-R